

БИБЛИОТЕКА КЛАССИКОВ
УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УЗССР
ТАШКЕНТ — 1960

БИБЛИОТЕКА КЛАССИКОВ
УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



Избранные
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УЗССР

ТАШКЕНТ — 1960



О Г А Х И

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УзССР

ТАШКЕНТ — 1960

Перевод с узбекского
Р. МОРНА

МУХАММАД РИЗА ОГАХИ ЭРНИЯЗБЕК ОГЛЫ

Мухаммад Риза Огахи Эрниязбек оглы — один из выдающихся поэтов в узбекской классической литературе. Он родился в 1224 году хиджры (1809 г. х. л.) в кишлаке Кыят, в 8 километрах от города Хивы.

Рано лишившись отца, Мухаммад Риза воспитывался у дяди по матери Муниса Ширмухаммад Аваз оглы, который обучал его грамоте. В дальнейшем он учится в одном из медресе столицы ханства Хивы, где прилагает все усилия к изучению арабского и персидского языков. Он со всем пылом отдается чтению книг и приобретению знаний.

В 1244 году хиджры (1828 г. х. л.) умер и его дядя Мунис. Конечно, безвременная смерть дяди явилась для Мухаммада Ризы тяжелым испытанием. Со смертью родителей и дяди он лишился материальной поддержки.

Однако ему не пришлось испытывать бедствия, т. к. по распоряжению Аллакулихана он был назначен на должность мираба, которую занимал его покойный дядя.

Это дало Мухаммаду Ризе большие возможности для встреч и знакомств с различными слоями тогдашнего общества. Он тщательно изучает жизнь и быт ученых,

поэтов, ремесленников, дехкан и по мере возможности помогает им. Эти знакомства расширили кругозор поэта и дали огромный материал для его будущего творчества.

В свободное от работы время молодой поэт встречается с представителями науки, поэтами, музыкантами и хафизами и участвует в их научно-литературных кружках.

В этих литературных беседах принимали участие современники Огахи — поэты Камил, Рахим, Назим, Раджи.

Трудно сказать, с какого времени началось творчество Огахи, т. к. по этому вопросу мы не имеем никаких исторических данных, но с достоверностью знаем, что свою творческую деятельность он начинает с составления баязов, в которые включает свои газели и мухамасы.

В возрасте 52 — 55 лет Огахи составляет диван „Амулет влюбленных“, куда он включает стихи из своих сборников-баязов, подвергая тщательной редакции свои первые произведения.

Однажды во время разъездов по мирабским делам Огахи упал с лошади и сломал ногу. Это заставило поэта отказаться от разъездов. Огахи теперь безвыездно находился в своем кишлаке Кыяте и занимался литературной работой.

Творческое наследие Огахи исключительно богатое. Им написано пять исторических произведений и около двадцати переводов на узбекский язык с персидского. Помимо того им составлено несколько баязов и диван.

В стихотворении „Сделала болезнь“ описываются физические страдания поэта и его обиды и недовольство современной жизнью.

В период правления ханов и беков поэты подобно Огахи не только не пользовались уважением, но их призывы к правдивости, к человечности, к справедливости

вности по отношению к народу были неуютны ханскому двору, почему современные Огахи ученые и поэты вели жалкое существование.

Огахи жил и творил в период наивысших распрей между феодалами и угнетения ими народа. Именно в этот период возникают народные восстания, как, например, восстание каракалпаков в 1242 году хиджры под предводительством Айдушта и другие. Именно этим народным восстаниям Огахи и посвящает следующие строки:

Коли искры летят в одно место,
Несомненно, возникнут огни,
Коли капли сливаются вместе,
Наводнение рождает они.

Поэт, вскрывая в своих стихах угнетение, грабеж и несправедливость по отношению к народу со стороны высших слоев, предупреждает последних словами: „Если ты мечом угнетения поранишь сердце народа, то невозможно будет оздоровить его никакими мероприятиями и память об этих угнетениях и несправедливости останется в сердцах навеки“.

Огахи осуждает феодалов и государственных деятелей, стремящихся к личной наживе, и противопоставляет их деятельности положение безземельных и бездомных бедняков из народа.

В своих произведениях он возвеличивает труд и заработанную бедняком лепешку ставит выше халвы бая, полученной путем угнетений и насилий.

Написанные поэтом газели весьма разнообразны. В одних воспевается чистая любовь, в других — мотивы суфизма, в третьих — личные переживания, причем в ряде стихов под любовными строками он проводит свои социально-политические взгляды.

Надо отметить, что исторические произведения Огахи тенденциозны, однако в ряде своих стихов он дает правдивое освещение событиям своего времени. Это, некоторое противоречие в его творчестве явилось результатом его общественно-политической незрелости и непонимания классового существа общества. Именно поэтому он и не сумел дать правильной оценки ни восстаниям дехканства, ни бесцельной жизни ханов. И в своих стихах он то бичует государственных деятелей за их грабительские действия, за стяжание богатств, видя в этом их невежество, то призывает их к справедливости, то восхваляет хана, представляя его справедливым. И в вопросах религии он то вскрывает пороки духовенства, то сам отдается религиозным предрассудкам. Однако, несмотря на это, он обращает особое внимание на истинное освещение событий.

Огахи считается мастером лирики пейзажа. В его творчестве значительное место занимает описание времен года, садов и цветников. Описывая все прелести весны, он не проходит и мимо тягостей, которые приносит жаркое лето в Хиве и его окрестностях.

О смерти поэта мы не имеем точных данных, однако из свидетельства Юсуфа Баяни, писавшего историю Хорезма, явствует, что Огахи умер через год после присоединения Хивы к России, т. е. в 1847 г.

С. ДАЛИМОВ

Газели

* * *

Оскудели, о кравчий, кувшины с вином зимой,
Обогрей нас на сборище этом ночном зимой.

Ты огнем и вином преврати наш приют в цветник,
Хоть казалось бы — где же цветник мы найдем зимой?

В зимний вечер морозный сближает сердца очаг.
Вот блаженство: пображничать тесным кружком зимой.

Хорошо и тому, кто, возлюбленной стан обняв,
Попивает винцо перед тем камельком зимой.

О ночах бедняка что известно тебе, богач,
Возлежащий на шелковом ложе своем зимой?

Он от стужи дрожит, слезы душат его всю ночь...
Горьким стонам внимли, сжался над бедняком зимой!

Ради бога, на рубища наши взгляни, богач,
Щеголяющий в платье своем меховом зимой!

Стал на диск астроябни лик Огахи похож:
Так от слез пожелтел он, бегущих ручьем зимой.

* * *

С тех пор как я узнал ясней природу жизни,
Мое занятие — терпеть невзгоду жизни.

Подруга говорит: — Терпи, коль хочешь счастья.
А если не могу, хоть и в угоду жизни?

О сжался, приюти,— уже потоки горя,
Опоры стен размыв, подходят к своду жизни!

Едва я в мир пришел из недр опочивальни,
Хлебнул я горькую и злую воду жизни.

Длиннейший перечень и горестей и бедствий
Могу я отнести к любому году жизни.

Терзаем старостью и неустройством света,
Я потерял покой, сгубил свободу жизни.

Ох, Огахи, пора забыть тревоги мира,
Ты приближаешься уже к исходу жизни...

* * *

Лишь в сердце моря обретет свое призванье раковина,
Лишь там жемчужину родит — свое созданье — раковина.

Чистейшим лоном ты пленен, ты знаешь: в
 несравненных недрах
До времени таит свое очарованье раковина.

Будь сердцем чист, стремись к одной достойной цели,
 и тогда-то
Жемчужиной вознаградит твои исканья раковина.

А разевающему рот на многое — комочек глины
И ничего другого дать не в состоянье раковина!

Ведь только если грудь от мук у правдолюбца
 разорвется,

Своей жемчужиной блеснет — плодом страданья —
 раковина.

Не забывая ни на миг, храни мечту о милой в сердце...
Что без жемчужины твое существованье, раковина?

Ищи упорно, Огахи, единственную из жемчужин,
Ту, для которой целый мир, все мирозданье—раковина.

* * *

Как этот пост расправился со мной!
Чад в голове, плетусь я, как хромой.

С лица он сводит цвет, румянец щек,
Из глаз уводит свет, застав их тьмой.

Он все во мне разладил, разболтал,
И, словно чанг, скрутил мой стан прямой.

Обычай подло камень запустил
В сосуд услад и радости земной.

Я онемел, лишен вина пиров,
Оглох в тоске по сладости хмельной.

Такая смута у меня в уме,
Что прелесть мира стала мне чужой.

Я даже веки не могу поднять,
Как будто одурманен анашой¹.

От изнуренья и брести нет сил,
И нет стремленья обрести покой.

¹ Анаша — наркотик, опиум.

Друзья, не полагайтесь вы теперь
На честь мою, на совесть, ум живой.

И прежде уйму горестей я знал,
А пост еще добавил их с лихвой.

Но, Огахи, вини не только пост:
Ты угнетен и старостью самой.

* * *

Суровые ныне морозы стоят,
И в жизнь они вносят ужасный разлад.

Все ежатся, жмутся поближе к огню,
Его окружив наподобье Плеяд.

Но в лютую стужу людские сердца,
Как ртуть, даже возле жаровни дрожат.

Как лотосы, лица красавиц красны,
Алевшие прежде, как спелый гранат.

Был стройностью стан их похож на «алиф»,
А ныне он в «нун»¹ превратился, горбат.

В объятья любовников, полных огня,
Лукавых мерзлячек загнал снегопад.

И те, обнимая красавиц своих,
Всего достигают без всяких преград.

¹ Алиф — буква арабского алфавита, обозначаемая прямой черточкой, „нун“ — в виде дужки с точкой.

Ощерившись, словно зубчатая «син»¹,
Мороз на прохожих набросится рад.

Надел горностаи зажиточный люд:
Зима не пугает того, кто богат.

Надежные средства от холода есть:
Халаты на вате и шубы до пят.

Но как эту зиму прожить Огахи,
Где взять ему шубу и теплый халат?

¹ Слово „мороз“ по-узбекски начинается на букву „син“, начертание которой напоминает по виду челюсть.

* * *

Стуж подобных не бывало — страшен в этот год мороз!
И дрожит, как лист на ветке, зябнувший народ...
Мороз!

Гурий пламенные лица, словно солнце в облака,
Вынуждая в мех зарыться, беспощадно жжет мороз.

А из глаз он выжал слезы и замерзшею росой
Щедро сыплет их на землю. Как жесток твой гнет,
мороз!

Как ни кутается плотно в шубы снежные земля,
Всюду ей наносит раны, грудь ее сечет мороз.

Жар бесценный отнимая у костров и очагов,
Даже пламени основу превращает в лед мороз.

Навалило горы снега, дует ветер ледяной,
Разум сковывая, сеет в головах разброд мороз.

Что ему худая шуба и залатанный халат?
Вмиг продув твои отрепья, душу отберет мороз!

Обнаружились изъяны и в стихах у Огахи,
Потому что и поэту зажимает рот мороз.

* * *

Родником удивительным стали мои глаза:
Капли крови — не слезы — застлали мои глаза.

То огнем обожжет, то как будто резнет ножом —
Всевозможную боль испытали мои глаза.

Если я потонуть с головою могу в слезах,
Не дивись: очень долго рыдали мои глаза!

Не хранится ли в келье моей Феридуна клад?
Ведь кораллы и жемчуг рождали мои глаза.

И за пазухой слезы, слезами подол набит:
Нет, не кровь, а рубины мне дали мои глаза!

Эти капли — не зерна гранатов, не виноград,
Что нашли в вертограде печали мои глаза.

Стрелы горя в мишень не попали — торчат вокруг:
То ресницы замкнули в овале мои глаза.

Ох, затмился мой взор, а когда-то звездой сиял,
Как Чулпан¹ на рассвете блистали мои глаза.

Страшный суд среди развалин застанет меня, боюсь,
Если будут так долго в опале мои глаза.

¹ Ч у л п а н — Венера, утренняя звезда.



Да обрушится купол презренного неба! Ужели
Мало бед мы от злого вращения его претерпели?

Все навыворот из-за неверного круговорота:
Правдолюб — угнетен, душегуб — пребывает в веселье.

У того, чья природа, как лук, искривилась, согнулась,
Устремленья стрела достигает намеченной цели.

У того же, кто прям, как «алиф», справедлив,
прямодушен —
Стан сгибается в «нун», стрелы горя торчат в его теле.

Скопидом, что ограбил народ, уподоблен Каруну¹,
В чьих несчетных ларях все сокровища мира блестили,

А владеющий щедрой душою — в нужде прозябает,
От бесчисленных горстей щеки его пожелтели.

¹ К а р у н — легендарный богач, символ жадности и скупости.

Тот, чья непристойная брань — во дворцах обитает,
На высоких айванах¹ он нежится в мягкой постели.

А тому, кто в раздумье творит благородные бейты²,
Суждено на соломе валяться в разрушенной келье.

Тот, кто грабит народ, раздувая в нем зависть и злобу.
С каждым часом и днем богатеет, жиреет в безделье..

1 Айван — терраса.

2 Бейт — двустишие.

* * *

Слово бывает и в самых любимых устах горьким.
Семечко может быть даже в сладчайших плодах горьким.

Пламенем милых ланит опален, мотылька вспомни:
Он не считает свой жребий — свой огненный крах —
горьким.

Если друзей ты допустишь на праздник твоей страсти,
То наслаждение станет на этих пирах горьким.

Тенью угрюмой лицо мне покрыли твои кудри,
Стало мое бытие, угасая впотьмах, горьким.

Не отрекайся от радостей мира — придет время,
Всё вожаделенное сделает гибели страх — горьким...

Алчным не будь ибо эта отравка, войдя в душу,
Сделает мед уваженья, что собран в сердцах, горьким.

Трудно поверить, но, в сущности, яд нищеты сладок,
Хоть он и кажется людям на первых порах горьким.

Вот и тебя, Огахи, напоила судьба ядом:
Выпил ты все, что слывет на земле, в небесах горьким.

* * *

Я вечер встречаю стоном, похожим на трубный звук:
Что, если в начале ночи меня ты покинешь вдруг?

В моем закоулке мрачном безрадостно и темно,
Взойди надо мной, как солнце, и все освети вокруг!

Я — шах, но в стране разлуки, и горестных вздохов дым
Вздымается, словно знамя, над воинством тяжких мук.

Я жалею, унижаюсь, но что ей мои мольбы?
Любимая отвечает с улыбкой:— Не лги, мой друг.

Ты красным пером, стопую бумаги вооружись,
Когда ты хвалу слагаешь прекраснейшей из подруг.

Казалось, чего бы лучше: отшельником становись,
Весь день еда и отрыжка — занятие и досуг.

Увы, мудрец не имеет и сыворотки простой:
Теперь, Огахи, не ценят ума и умелых рук.

* * *

Ты хмуришь лоб — для сердца эти складки жгутов
душной,
А кольца локонов сдавили горло души моей.

О пери, не гони белоголовых в вечерний час!
Не будут ли седины в лунном блеске тебе милей?

Ты всем побегам ярости и гнева даешь расти;
Смягчись, ростки добра и состраданья в душе лелей.

О сделай полноводной реку жизни, не поскупись:
Ты на нее поток благодеяний своих излей!

Кто, как скотина, темен и прожорлив, сонлив и туп,—
Тот в наше время на почетном месте среди людей.

Невежество своею славой сделай и ремеслом,
Когда в мехах ты хочешь встретить холод морозных
дней.

У нищего один дирхем увидев, богач дрожит:
Казной владея, этот грош он хочет отнять скорей.

Один богач и ста миров дарами не будет сыт,
Так что ж бедняк получит из сокровищ вселенной
всей?

Зачем же Огахи служить мирабом, владеть водой,
Раз у него доселе нет и пяди земли своей?!

1 М и р а б — управляющий оросительной системой. „эмир воды“.

* * *

Ничто нам не дается даром — придет расплата в срок,
Одна единственная радость — ста горестей исток.

Лепешкой жалкой одолаясь, пойми, что навсегда
Ты благодарности обузу сам на себя навлек.

Служи за сто благих посулов, а вздумают прогнать,
Хоть тысячу услуг окажешь — найдут в тебе порок!

За каждую свою услугу — хоть лезь из кожи вон! —
Получишь сто попреков бранных... Таков судьбы урок.

Ты можешь рассыпать алмазы, но людям все равно:
Они твой камень драгоценный сочтут за черепок.

Рыдая, вырой сто колодцев мотыгами ресниц,
Но для себя и капли влаги не заготовишь впрок.

Ты по заслугам небом взыскан, как все вокруг тебя:
Ведь для работы, для заботы тебя и создал бог!

А хочешь сбросить бремя горя — уйди, уединись,
Займи в небытия чертоге спокойный уголок.

Есть, Огахи, еще спасенье от бедствий и нужды:
Всемилоостивейшего шаха ты обивай порог...

* * *

Об унижении своем, о том, что мир жесток, я плачу.
О том, что горестей моих неудержим поток, я плачу.

Друзей не стало, и один остался я в углу забытом,
О том, что птицей трепещу, заманенной в силок,
я плачу.

Оглядываюсь я вокруг — ни в ком не нахожу опоры.
О том, что сердце мне дотла печали пламень сжег,
я плачу.

В моей каморке тьма, и в скорбь я с головою
окунулся.
О том, что должен плакать я, своей судьбе в упрек,
я плачу.

На темном лике лет моих трудов и мук увидев меты,
Прохожий отвращает взор... Презрен и одинок, я плачу.

Мой вид ужасен, словно ад, мое убежище угрюмо.
О том, что от меня бегут, что нет ко мне дорог,
я плачу.

Нужду и горе принесли мне одиночество и старость.
О том, что злобный жребий мой на боль меня обрек,
я плачу.

Ищу в пустыне бытия источник, реку— и напрасно!
О том, что марева обман — всех поисков итог, я плачу.

Всю жизнь провел я среди тех, кто и в делах и в
мыслях грязен.
О том, что до сих пор терплю вблизи себя порок,
я плачу.

Без чистой радости в душе я совершил намаз однажды;
О том, что кару на себя заслуженно навлек, я плачу.

Хоть, Огахи, как соловей поёшь ты, но живешь, как
филин:
О том, что как его жильё и мой приют убог, я плачу.

* * *

Горе лишенному сладостных радостей сада!
Даже весне его бедное сердце не радо.

Горе тому, кто весной цветником не владеет:
Он словно дерево после поры листопада.

Сердце — светильник, в котором все масло иссякло,
Если в саду не дана ему хмеля улада.

Дом без цветущего сада весной безобразен:
Мог бы он раем сиять — стал подобием ада.

Плохо встречаться весной не в саду, а под крышей:
Холодом веет тогда от желанного взгляда.

Нет обитаемых мест, где сады не росли бы,
Только тебе недоступна такая отрада.

С тощим карманом тебя в круг людей не пускают,
Ну, а без сада туда и соваться не надо!

Загнан в колючки бедняк-соловей, а вороны
Сад бытия разоряют, не зная пощады.

В хижине жалкой скорбит Огахи. Разве можно
Сердце от ран уберечь без достойного сада?

* * *

Не спасайся в пустыню безумья, от злобных пинков,
На путях бытия будь к любому несчастью готов.

Если ты полюбил, то безропотно беды терпи:
Не бывает любви без обид и забот и оков.

Будь мужчиной: напоенный ядом крушенья надежд,
Говори: „Это мед!“, как бы ни был твой жребий суров.

Ты довольствуйся малым; умеренность — это твой щит
От меча благодарности в гуще житейских боев.

Если ты одобренья у нынешних ищешь людей,
О разврате болтай, о забавах разгульных пиров.

В кузов—брюхо, в ступицу ты шею свою преврати,
Стань скотом, если ждешь от богатых добра и даров.

Если хочешь найти покровителей щедрых — ловчи,
Будь, как черт, изворотлив, учись ремеслу хитрецов.

Злоязычных страшись, ибо яд их насмешки одной
Может горечь вложить в сахар всех твоих сладостных
слов.

Даже с искоркой малой мучений твоих, Огахи,
Не сравниться ужасному пламени адских костров!

* * *

Если хочешь, чтоб стало отрадой твоей богатство,
Будь сокровищем скромности: есть ли ценней
богатство?

Мудрым будь: не кичись серебром и добром несметным,
Ибо гордого делает только глупей богатство.

Яд стяжательства тело и душу твою разрушит,
Если будешь свое сторожить, словно змей, богатство.

Скупость — зло, щедрость — благо: Карун дорожил
казною,
Но не в золоте — в разуме видел Мойсей¹ богатство,

О имущие! Будьте вы для бедняков защитой,
Ибо сильными делает вас, богачей, богатство.

Путь познания — спасенье, невежества тьма — погибель,
И невежд не спасает, а губит верней богатство.

¹ М о й с е й — библейский пророк, почитаемый и мусульманами.

Тайну сердца храни, ибо в мире пойдут раздоры,
Коль не будет сокрыто от жадных очей богатство.

В наши дни невозможно без знаний достичь почета,
Ибо люди прозрели, им стало видней богатство.

Огахи, ты покой сохранишь, оставаясь бедным,
Потому что покоя лишает людей богатство.

Алчный алчет богатства свои умножать без конца —
Он добро себе копит, ему доброта не нужна.

Бедняка же не трудно удовлетворить—ведь ему
Феридуна держава, дворцов суета не нужна.

Огахи, одари тех, которым не просто слова,
Но и мера певучая в их сочетанье нужна.

* * *

Вы пейте, друзья, наслажденья хмельное вино,
Мне ж горя вино от рожденья глотать суждено.

Пусть радость румянцем алеет на вашем лице,
А наше — от горя шафрановым стало давно.

И сколько бы вы ни твердили мне: „Ты, мол, да мы“,
Но сердцу так больно, что медлит раскрыться оно!

В тоске поникая, колени изранил мой лоб,
А это — на лбу от костлявых коленей пятно.

Я в горестных думах и ночи и дни провожу,
Счастливым, бездумным понять мою жизнь не дано.

Пусть мир полосует кинжалами душу мою,
А людям — как будто кромсают кошму — все равно!

Невестою-жизнью обманут бедняк Огахи...
О боже, и сердце вселенной коварства полно!



Руина ветхая, труха — таков дворец вселенной;
Кто думает ужиться в нем — безумец несомненно.

Какое странное жильё: землей покрыта кровля,
И пыль опасности летит, и расшатались стены.

Мечи коварства обнажив, злой умысел скрывая,
Подвохи вокруг его жильцов толпятся неизменно.

А свечи, что по вечерам должны светиться ярко,
Треща в расплавленном жиру, чадят обыкновенно.

И все-таки на их огонь, на пламя наслаждений,
Душа, как бабочка, летит, сгорая в нем мгновенно.

Как птица, вьёт душа гнездо, не зная, что и зёрна,
И влага — состоят из слез печали сокровенной.

Едва познавши верность, к ней охлаждаются люди:
Страданья заставляют их меняться постепенно.

Я называю мудрецом того, кто ухитрился
Покинуть этот дом, дабы вкусить покой блаженный,

Счастливец ищешь, Огахи? Такого нет на свете,
Спокой веков был этот мир скорб-й юдолью брэнной,

* * *

Зачем удивляться, что сердце и плачет и стонет
в смятенье?
Судьба в него камни бросает, избрав для мучений
мишенью.

Зачем говорить без умолку о локонах перн прекрасной?
То месяц на небе туманном, каймы его нежной
свеченье

Мне слезы лицо исписали, и люди прочли эти строки.
Как будто любви моей горькой таилось в них
разоблаченье.

Ты слез не гнушайся кровавых, ведь это же войны
веры,
А вздохов дымы — это кудри небес, их чела обрاملенье.

Я болен от горя и тягот, я помощи жду, виночерпий:
Сдружиться с наполненной чашей — вот лучшее в мире
леченье!

На кухне судьбы для невежды и сласти и яства
найдутся,
А ты несоленой похлебкой довольствуйся, муж
просвещенья.

Ученость и ум в этом мире — товар, не имеющий
спроса:
Никто их в тебе не оценит, никто не придаст им
значенья.

Ты лучше обычаю взятки последуй в суде шарията,
Так умный истец покупает какое он хочет решение.

К чему тебе пышная слава с ее пустотой величавой?
Уже тебя время торопит, стуча в барабаны забвенья.

Лицо ее, кудри и очи — тюльпан, гиацинт, и нарциссы.
Увы, Огахи, не увидишь ты сада любимой в цветенье!



О кравчий, милость окажи! Меня страдать заставил
пост;

И грудь красна не от вина — ее мне окровавил пост!

Смотри: мечом голодных мук он замахнулся на меня;
Ох, поясницу мне сломал, глаза мне продырявил пост.

Придав порядок боевой войскам страданий и забот,
Вина отряды оттеснил, свои посты расставил пост.

Мой стан был, как стрела, прямым — теперь он
превратился в лук,
Поскольку к бремени тоски свой тяжкий груз добавил
пост.

Я изнываю без вина, о выведи меня на свет,
Весь мир окутал темнотой, меня в тюрьму отправил
пост!

Я, чаши утренней лишась, лишился также и ума:
Мне даже кажется порой, что мне мозги расплавил
пост.

Заглохли чувства, разум спит, отшибло память у меня...
Уж человек ли я? Меня принизил, обесславил пост.

А в голове который день как светопреставленья шум:
Ведь от свидания со мной красавицу избавил пост.

Возлюбленная уж давно неблагоклонна к Огахи,
И в этом у меня, увы, сомнений не оставил пост.

* * *

В море сердца жемчужина есть в заточении — слово.
Быть красавице-правде венцом — назначение слова.

Мне не верит любимая, выслушать даже не хочет,
А другой говорит — для нее наслаждение слово.

Я в немилости чахну — нет сахара у попугая,
И не может он вымолвить в оцепенении слово.

Чтобы в суть человека проникнуть, ты в речь его
вникни:
Сокровеннейшей тайне дает объяснение слово.

Раз невежда способен во лжи уличить и пророка,
Он мое и подавно берет под сомнение слово.

Захоти уваженья при помощи слова добиться,
И поймешь: у людей вызывает презрение слово.

Не надейся, что речь твою жители мира оценят,—
Разве бык и осел понимают значение слова?

Огахи, ты о камень сердец не разбей свои строки:
Что в короне достоинств людских драгоценнее слова?

* * *

Не раскрывайся пред глупцом, ему вверяя слово:
Не человек он, лишь поймет душа людская слово.

Оно алмаз в сердцах людей, и неразумной твари
Не должен ты его дарить, зря унижая слово.

Как знать скотине, что в жмыхе и сене вкус находит,
Какая это у людей вещь дорогая — слово?!

Чтобы тупица понял речь — и красноречья мало,
Напрасно кровью изойдешь, в крови купая слово.

Как невозможно звуком слов влиять на наковальню,
Так и для каменных сердец — игра пустая слово.

Не рассточай своих речей скупцу и скопидому,
Со щедрым в разговор вступай, сказать желая слово.

Не трать и слов на дурака: себе цены не зная,
Не может он, конечно, знать, цена какая слову.

Не может пользы он извлечь из рассуждений умных,
И только навредит себе, перевирая слово.

Ты и завистника минуй: возможно ль человеку
Шайтана переубедить, лишь повторяя слово?

Над словом сжался: не толкуй ты с неучем бесстыжим,
Ведь с отвращеньем от него сбежит, стеная, слово!

Что ты ни скажешь, Огахи,— невежда не услышит,
Пусть даже в ухо затрубит сильней карная¹ слово.

¹ К а р н а й — национальный музыкальный инструмент, труба.

* * *

О сердце, свыкайся с печалью и с тем, что твой
спутник — беда.
Ни радостей, ни удовольствий не жди, не проси
никогда.

Нередко не в том направлении кружится судьбы колесо,
И прямо идущий по миру, узы, не дойдет никуда.

Безжалостным скаредам небо богатство и жадность
дало,
Но сделало щедрыми нищих, чье все достоянье — нужда.

Лишь тех возвышают, чьи души подобно Сатурну темны,
А чистых и ясных, как солнце, во прах низвергает
вражда.

На шумных пирах тунеядец жиреет от вин и сластей,
А труженик вечно в заботах, еда его — хлеб и вода.

Кто сам ничего не умеет — в халаты почета одет,
А мастер искусный и ветошь себе достает не всегда.

В неправде презренного мира ты сам убедился. Пойми:
Искусство твое бесполезно, и служба твоя — ерунда.

Не жадничай и не завидуй, ты нынешним людям —
чужак,
Добиться от них уваженья не пробуй: не стоит труда...

* * *

Тысяч мучений мечами мне грудь раскроил недуг.
Влагой кровавой глазницы мои обагрил недуг.

Неописуемой силой печали, тоски, скорбей,
Вымотал, обезоружил, лишил меня сил недуг.

То обливаюсь я потом, то вдруг меня бьет озноб,
Кости мои обнажились — меня изнурил недуг.

Чтобы убить наслажденье, он в лук превратил мой
стан,
И натянул тетивую канат моих жил недуг.

Впалые щеки окрасил в соломенно-желтый цвет,
Слез моих капли разбрызгал и нос заострил недуг.

Стал я подобен пылинке, невидной для глаз людских
Так иссушил мое тело — в ничто превратил недуг.

Месяца два, как свалился, столько перестрадал,
Словно два года болею... Совсем уморил недуг!

Все сочиненное мною успел уже шах забыть,
Я позабыт и в народе — и все натворил недуг!

Даже никто не подумал спросить обо мне хоть раз...
Малость мою, никчемность опять подтвердил недуг.

Брошенный и одинокий, забытый людьми лежу.
Хлещут кровавые слезы—им путь проторил недуг.

Нет, Огахи, так измучась, и смерть призывать не грех:
Тем, кто горит в лихорадке, страшней всех могил недуг.

* * *

Едва с рубинами любимой вступил в соревнованье чай,
Живой воде завидно стало, что нам вернул дыханье чай.

Он стал утехою телесной, он стал отрадою души,
Всем людям в мире услаждает и вкус и обонянье чай.

Как бы возлюбленною стал он: и нищему необходим,
И шаху гордому приятен на пышном дастархане¹ чай.

Он в самых разных странах мира и уважаем и ценим,
Привыкли иноверцы к чаю, и любят мусульмане чай.

Нам душу озаряет радость, свет загорается в глазах,
Когда в фарфоре тонкой чаши темнеет, как в тумане,
чай.

Когда беседа увядает, как поздней осени цветник,
Ей возвращает блеск весенний, дарит благоуханье чай.

Вот, скажем, человеку трудно суть некой мысли воспри-
нять:

Пусть только пиалу пригубит — и прояснит сознание чай!

Для плоти немощной — лекарство, для духа слабого —
бальзам,

Не потому ли столь прославлен напиток, чье название —
чай?!

¹ Д а с т а р х а н — скатерть, накрытый стол

Нет, врач, ты нам теперь не нужен, и перестань лечить
больных:

Целебней всех твоих настоек, незаменим в страданье чай.

За золотник его не жалко и сто дирхемов заплатить,
Раз на обширном рынке мира завоевал признание чай.

Довольно, Огахи! Излишни все восхваления твои:
Ведь, словно хан мудрейший, множит пиров очарованье
чай!



Принарядила хмурый мир, звенит, поет весна,
Преобразила лик земли и неба свод весна.

То не живая ли вода все залила кругом,
Так смело обновила степь разливом вод весна?!

Был бездыханным базилик—в него вдохнула жизнь
И сбросила с него зимы мертвящий гнет весна.

Голубку робкую весна влюбила в соловья,
Раскрыла тысячи цветов и гнезда вьет весна.

Деревьев, шествующих вдаль, верхушки раскачав,
Как будто кланяется нам и в степь зовет весна.

Тюльпанам-кравчим кто вручил так много чаш цветных?
А это кубками спешит снабдить народ весна!

Возлюбленная, соверши и ты прогулку в степь,
Веселья воздухом дыши—печаль убьет весна.

Ты чару счастья осуши в заветном цветнике,
Освобождает, хоть на день, от всех забот весна.

Не избегай и не стыдись беседы с Огахи:
Ведь роза дружит с соловьем, когда цветет весна!

* * *

Чтоб милой написать, кладу перед собой листок бумаги.
От слез совсем намок и стал совсем сырой листок
бумаги.

О если б для письма листы семи небес бумагой стали!
Ведь этих жарких слов не выдержит простой листок
бумаги.

С души покров сорву, свою мольбу на нем я начертаю:
Достойн милых рук не всякий, не любой листок бумаги.

На свете у меня нет истинных друзей. Пусть голубь
верный
Доставит под крылом письмо с моей мольбой — листок
бумаги.

Но если и дойдет послание мое к серебролицой,
То примет ли она неведомо какой листок бумаги?

А если и возьмет, раскроет ли его, явив мне милость,
Заглянет ли в моей исписанный рукой листок бумаги?

Прочтет ли до конца? Сумеет ли понять? В ответ
пошлет ли
Носящий на себе печать любви былой листок бумаги?

А вдруг пошлет? Тогда я шахом воцарюсь в стране
влюбленных,
И увенчает мне чело тот дорогой листок бумаги.

Будь счастлив, Огахи, что у тебя теперь одно занятие:
Жемчужинами строк унижать пустой листок бумаги.

* * *

О красавица, не время ль в степь весеннюю пойти?
Ты цветами полевыми полюбуйся по пути.

Ничего, что потускнели у затворницы глаза —
Это зеркало прогулка отшлифует, не грусти.

Ты проходишь — и тюльпаны распускаются быстрей,
В райский сад — яви нам чудо! — даль степную преврати.

Соловей теряет голос, если рядом нет тебя, —
Покажись ему, чтоб мог он петь в блаженном забытьи.

Видишь, как мечом разлуки изувечен весь цветник?
Ты пролей бальзам свиданья, чтоб тела цветов спасти.

По устам твоим тоскуя, сжались нежных роз сердца,
Пусть раскроются бутоны — всех улыбкой освети!

Меркнут очи у нарциссов, ждущих взгляда твоего:
Ты взгляни, хотя бы мельком, дай им зренье обрести.

Чтоб растрепанные мысли гнацинт сумел собрать,
Ты свои тугие косы поискусней заплети.

Ты сосне и кипарису покажи свой гибкий стан
И, внушив им страх и ревность, их гордыню укроти.

Посиди порой в прохладе, выпей сладкого вина,
Прежде чем степной тропинкой вновь неспешно побрести.

Огахи возьми с собою — это будет означать,
Что из всех влюбленных мира у тебя лишь он в чести.



Как удержаться на ногах под тяжестью утрат?
Взвали на камень груз такой — и камень будет смят!

В саду зальется соловей и роза расцветет,
А сердца моего бутон все будет горем сжат.

Двух ланей, прибежавших пить — чету ее очей —
Озера горьких слез моих, увы, не отразят.

Едва заввижу милый лик, — на ясный свет его
И сердце и душа мои, как мотыльки, летят!

Желая Хызра над ключом живой воды узреть,
Ты на пушок у сладких губ брось восхищенный
взгляд.

О эти веки — как миндаль из сада красоты,
А брови — воры, что хотят ограбить этот сад.

Есть город бедных жертв любви — я там богаче всех:
На ране рана — вот каков моих дирхемов клад.

Дирхем кровавый на дирхем бросают щедро мне:
Раз капнув, масло капнет вновь на масло, говорят.

Оставь надежду, Огахи, уже ты поседел,
А если иней тронул сад, то близок листопад...

* * *

Без твоего лица от солнца и луны — какая радость?
В разлуке с пальмою моею от сосны — какая радость?

Тому, кто не успел хоть раз испить с тобой вина
свиданья,
От влаги райского ключа в разгар весны — какая
радость?

Когда мне локоны вокруг твоих ланит нельзя увидеть,
Пусть гиацинт куряв и розы пусть красны — какая
радость?

Тем, кто забыт тобой, кому шербет любви ты пожалела,
От меда с сахаром, что так для всех вкусны — какая
радость?

Коль сладость щедрости неведома тебе, богач
надменный,

Настанет срок—уйдешь, хоть Феридуном будь, хоть
Искандером:
От всех богатств и царств, от власти и казны — какая
радость?

И если, Огахи, в поэзии твоей нет слов сердечных,
От сборников твоих, что звучных строк полны,— какая
радость?

* * *

Ты с солнца своего лица спустила покрывало,
И солнце неба в тот же миг померкло и увяло.

Как только губ твоих вино на пиршестве зарделось,
Вино лозы и опьянять и тешить перестало,

Увидел кипарис твой стан, что деревца стройнее,
И понял: хвастаться ему осанкой не пристало.

Когда же свежий гиацинт твоих волос коснулся,
Нежнее мускуса его благоуханье стало.

На углях и шашлык чадит — чего ж стыдиться сердцу,
Сгорающему близ тебя от страсти небывалой?

Не строй расчетов—зданье их не очень долговечно:
Чинами, службой при дворе не дорожи нимало.

Желаемого в мире ждать? Да это так же глупо,
Как ждать от марева воды в пустыне в час привала!

Иной от галки соловья не отличит, а смотришь—
Ему досталась красота редчайшей розы алой.

Будь осторожен, Огахи, и скрытным, коль не хочешь,
Чтоб гурия твоя и впредь свое лицо скрывала.

* * *

Влюбился... Ужели души твоей свет не нужен тебе?
Ты ринулся в пламя... Ужель твой скелет не нужен
тебе?

С любимой ты плачущих кровью очей не сводишь.
Ужель
Дар зренья, чтоб видеть зарю и рассвет, не нужен тебе?

К ее нечестивым гяурам-глазам прикован твой взор.
Опомнись! Ужели и веры завет не нужен тебе?

Ты милостыню мне жалеешь подать, царица моя...
Ужель этот нищий — раб горя и бед — не нужен тебе?

Ты всем расточаешь улыбки свои — а этот бедняк,
Что был бы одним твоим взглядом согрет, не нужен
тебе?

Потоками скорби разрушен мой дом. Ужели, скажи,
Скиталец, кому и пристанища нет, не нужен тебе?

Скажи, почему ты всегда с Огахи суха, холодна?
Ужель наше время постигший поэт не нужен тебе?

* * *

Вот родинка и кудри-тучки и ало-рдяное лицо:
Сравню не с солнцем — с целым небом твое желанное лицо!

Его тюльпану уподобить? А как же брови и глаза?
Не у тюльпана же их взяло твое румяное лицо!

Я б кипарис назвал, пожалуй, когда бы были у него
Живые влажные рубины, благоуханное лицо.

О, я богат! Имею очи — серебряные рудники,
И даже золотые копи — желто-багряное лицо.

Приди, откройся, ради бога, мой мрачный вечер озари,
Яви мне ясное такое, всевышним данное лицо!

Терзают Огахи заботы, и разве он виновен в том,
Что у него, у горемыки, всегда шафранное лицо?

* * *

Что может мир поджечь? На вздохов дым багряный
взгляни.

Откуда тот огонь? На милой лик румяный взгляни.

Не запрещай стенать, когда я бьюсь, как голубь в
сетях,—

На шествующее подобие платана взгляни.

Видал ли ты, как ртуть по бледному шафрану бежит?
На капли слез моих, текущих непрерывно, взгляни.

Не укоряй за то, что корчусь я, как волос в огне:
Разлука жжет меня; какая в сердце рана, взгляни.

Коль налетит тайфун, и берег валом горя зальет,
Ты на глаза мои — исток беды неожиданной, взгляни.

Тебе смешно, что к ней паломничает только мой дух?
На плоть мою — на прах, лежащий бездыханно,—взгляни»

Не спрашивай, зачем я стал ее жалчайшим рабом,—
О друг, на моего бездушного султана взгляни!

Везет ли Огахи в любви, совсем нетрудно узнать:
На боль таящий стих из этого дивана¹ взгляни.

¹ Д и в а н — здесь сборник стихов.

* * *

Пируют с тобою... А я без пиров остался,
Один я во мраке моих вечеров остался.

Речей сладкогласных на всех у тебя хватило,
Один только я без приветливых слов остался.

Хвалебные гимны в твоём цветнике слагают,
Я плачу в темнице, во власти оков остался.

Влюбленным в тебя — всем доступно вино свиданья,
А мне яд забвенья на веки веков остался.

Любовь твоя школою жизни была для многих,
А я недоучкой среди мастеров остался.

С удачею брачный у них договор подписан,
А я — не попавшим в число женихов остался.

Ко всем ты добра, кто искал твоего вниманья,
А мой, о царица, без отзова зов остался.

Достались всем горы зерна с твоего хирмана,¹
Мне ж — ворох соломы от щедрых даров остался.

¹ Х и р м а н — ток, гумно.

Дворцы с твоей помощью строят, а я не в силах
Лачугу сложить — без дворца бедняков остался.

Всех благоустроила милость твоя, о зодчий,
А мне только жалкой развалины кров остался.

Смирись, Огахи, с тем, что старость проходит в горе.
Что делать, когда ты рабом средь рабов остался?

* * *

Берегов, там, где слез моих море, нет. Что поделаешь,
нет так нет.
Тишины, там, где плачу я в горе, нет. Что поделаешь,
нет так нет.

Люди могут в глазах у нее прочесть милосердие или
гнев,
Для меня ж ничего в ее взоре нет... Что поделаешь,
нет так нет.

Всех спасает она от сердечных мук, — для меня ж ни
целebных средств,
Ни сочувственных слов в разговоре нет. Что поделаешь,
нет так нет.

Я во мраке разлуки совсем ослаб: даже искорки, чтоб
разжечь
Моих вздохов багряные зори — нет! Что поделаешь, нет
так нет.

Мне души не вернули ее уста, но и глаз не моргнул
палачу:
Мне ни жизни, ни казни в позоре — нет. Что поделаешь,
нет так нет.

Мне обещана встреча была, и вот я на улицу к ней
спешу,
А ее, будто мы с ней в раздоре,— нет. Что поделаешь,
нет так нет.

Луч ее благосклонности светит всем, но и проблеска
для меня
Ни в земном, ни в небесном просторе нет. Что
поделаешь, нет так нет.

Все живет под счастливой ее звездой, но таких светил
для меня
Ни в одном многозвездном узоре нет. Что поделаешь,
нет так нет.

Я сказал ей, что море слез Огахи и безбрежно, и
глубоко.
А она:— Берегов в этом море нет? Что ж поделаешь,
нет так нет!

* * *

Я ей сказал: — Душа болит. — Моя ль вина? — она
сказала. —

Боюсь, влюбленному в момент та боль нужна! — она
сказала.

Я ей сказал: — Черней беды два глаза, два твоих
нарцисса.
— Нет, полюбить тебя — беда, и не одна! — она сказала.

Я ей сказал: — Приблизь уста к моим губам, и я
воскресну.
— Но разве смерть тебе, как всем, не суждена? — она
сказала.

Я ей сказал: — Взгляни хоть раз, хочу тобой
налюбоваться.
— Бесстыжий шут, не для тебя я рождена! — она
сказала.

Я ей сказал: — Вознагради меня за муки поцелуем.
— И не надейся на него! — возмущена, она сказала.

Я ей сказал: — Но почему ты верностью пренебрегаешь?
— Когда ж красавица была в любви верна? — она
сказала.

Я ей сказал:— Зачем же ты томишь мое больное сердце?
— Нет, это я твою болезнь лечить должна,— она
сказала.

Я ей сказал:— Но, может быть, ты все же Огахи
полюбишь?
— А жизнь отдашь? Ведь такова любви цена!— она
сказала.

* * *

Любимой моей угнетать предназначено,
Душе — перед ней трепетать предназначено.

О небо, меня не пытайся мучить—
Лишь этой шалунье пытаться предназначено.

Пускай твоих губ никто не коснется:
Их сладостью мне обладать предназначено.

Не трать своих стрел на любое тело:
Им в сердце мое попадать предназначено.

Для глаз моих пыль твоих ног — лекарство,
Ей кровь моих слез осушать предназначено.

Зачем мне Иса¹? Устам моей милой
Сраженных судьбой воскрешать предназначено.

¹ Иса — Иисус Христос — пророк в мусульманской религии.

Газели о плавной твоей походке
Такою же плавною стать предназначено.

Прочь, солнце! Одной моей луноликой
На небе вечернем блистать предназначено.

Стиху Огахи — хвале ее кудрям —
Быть нежным, как тонкая пряда, предназначено.

* * *

В день, когда тебя узрели соловей и горлинка,
Розу нежную призрели соловей и горлинка.

Ты вошла — и был с престола свергнут горный кипарис:
На него и не смотрели соловей и горлинка.

И не розу с кипарисом, а твое лицо и стан
Восхваляя, звонко пели соловей и горлинка.

Не переводя дыханья, не смолкая день и ночь,
О тебе выводят трели соловей и горлинка.

Погляди: трава примята на тропе твоей любви,
За тобою вслед летели соловей и горлинка.

Снизойди, помилосердствуй, вновь пройдишь по
цветнику,
Чтоб своей достигли цели соловей и горлинка.

От безмозглого невежды отличается мудрец,
Как от галки-пустомели — соловей и горлинка.

С Огахи кому сравниться? Хоть и много певчих птиц,
Но не все же в самом деле соловей и горлинка!

Мастави

* * *

Отец над сыном плачет средь руин,
Беду отца оплакивает сын.

Мать слезы льет над дочерью родной,
Рыдает дочь над матерью седой.

Как дым, затмили вздохи лик земли
И купол голубой заволокли.

Стал каждый победитель палачом,
Не счесть добра, добытого мечом.

Но вот награбленный нагружен скарб,
Рабов уже впрягают в сотни арб ..¹

¹ Этот отрывок взят из книги „Риязуд-давла“. Во время похода Рахманкула на Мешхед, он захватил крепость Канофа, разграбил имущество населения, а людей продал в рабство.

* * *

Пора такого голода пришла,
Что разделились души и тела.
Желтей соломы лица у людей,
Глаза—бобов незрелых зеленей,
И, треснув, как пшеничное зерно,
По хлебу истомилась грудь давно.
Тянулись руки вечером к луне,
Висевшей, как лепешка, в вышине,
Забыли запах зерен жернова,
И в ход пошли коренья и трава...¹

¹ В этом отрывке Огахи описывает голод, вызванный ханом во время народного восстания.

* * *

Жара была неистойвой такой,
Что у людей совсем пропал покой.
И раскалился, словно медь, песок,
Нет, не как медь—он словно уголь жег!
И ветер дул горячий, как самум,
Развевая вздохов смутный шум.
Столь редкой стала влага в дни беды,
Что не осталось и в глазах воды.

* * *

Злодейство совершил палящий зной!
Так накалил он воздух, прах земной,
Что закипела в жилах кровь сперва,
И кости загорелись, как дрова.
Тоскою душу сокрушил огонь,
Плоть жаром солнца иссушил огонь,
А пламенными вздохами народ
Заставил покраснеть и небосвод...

* * *

Жара и сушь—от моря и до гор,
А в довершение горя—грозный мор!

Он настигает всадников лихих,
С коней на землю сбрасывает их.

Кто жив—тот извивается от мук,
Как волос, в пламя угодивший вдруг!

Лежат вповалку старцы, малыши
И молят о спасении души...¹

¹ В этом отрывке описывается эпидемия холеры.

Рубаи

* * *

Зачем ты с воплями кружишься тут, о шейх?
Зачем позоришься, как жалкий шут, о шейх?
Ужели хочешь ты, чтоб видел весь народ
Какой ты лицемер и лжец, и плут, о шейх?

* * *

В мечети ты намаз творишь в тиши, отшельник,
Чтоб жажду утолить своей души, отшельник.
А не успеешь в том — зайди в питейный дом
И чашу полную ты осуши, отшельник.

* * *

Что б ни твердили там, а пить вино приятно!
Как сладостно оно и как оно приятно,
Не знает лишь аскет... Но разве для больного
Лекарство, что его спасти должно, приятно?

* * *

Смеется в дни весны лицо земли:
Все розы, все тюльпаны расцвели.
Любимая, пируя на лужайке,
Весенним хмелем сердце весели.

* * *

Не переделаешь людей дурного нрава,
Зловещих, как сова, чья незавидна слава!
Так, ядовитый ствол ты хоть живой водою
Усердно поливай, плоды его — отравя.

* * *

Пылинка, и взлетев, большой звездой не станет.
Долина никогда горой крутой не станет.
Невежда—тот же скот, и как над ним ни бейся,
А человеком он, как скот тупой, не станет.

* * *

Пришла весна, пришла пора веселья.
О роза, пей из чаш добра, веселья!
Мгновеньем дорожи, быть может, завтра
Лишимся мы уже с утра — веселья.

* * *

О как ты в эту ночь прекрасно пел, певец!
О как был твой напев и свеж, и смел, певец!
Дай бог тебе прожить все десять тысяч лет,
Ты душу в пиршество вдохнуть сумел, певец.

* * *

Едва я сахар слов вкусил от милых губ,
Затрепетал, воскрес мой бездыханный труп.
— Кудесницу свою, подобную Исе,
Забуди!— твердит ханжа... Ну, разве он не глуп?

* * *

4 С тех пор как мы в немилости у неба,
Ученый у невежды просит хлеба.
А если б мир устроен был разумно,
То не мудрец—невежда жил в нужде бы.

* * *

Слова людские — море; смысл речей —
Жемчужина среди его зыбей.
То море может в сердце поместиться,
Но где сердца — сосуды для морей?

* * *

Как ни выхаживай — сорняк цветком не станет,
Как галку ни учи, а соловьем не станет.
Сто добрых сделай дел плохому человеку,
Он отвечать тебе на них добром не станет.

* * *

Необычайная всю ночь крепчала стужа,
Ежеминутно в грудь стократ стучала стужа,
Вонзила в плоть мою ста копий жала стужа,
Вопит душа моя — ей горло сжала стужа.

* * *

Я вижу смерть мою — мне от мороза тяжко!
Дрожу, как будто бы на мне одна рубашка.
Одно спасение: огонь и теплый плов
Из мяса курицы иль жирного барашка.

* * *

Меня преследует, как лютый зверь, судьба.
В разлуке множит счет моих потерь судьба
Напрасно я молю: свой гнев умерь, судьба!
Меня намерена убить теперь судьба.

* * *

Мне жизнь напомнила, что я совсем старик:
Скудеет разум мой, коснеет мой язык,
Так метко копья мук вонзил в меня недуг.
Что, тело проколов, души моей достиг...

СОДЕРЖАНИЕ

Мухаммад Риза Огахи Эрниязбек оглы 5

ГАЗЕЛИ

«Оскудели, о кравчий, кувшины с вином зимой...»	9
«С тех пор как я узнал ясней природу жизни...»	10
«Лишь в сердце моря обретет свое призванье раковина...»	11
«Как этот пост расправился со мной!»	12
«Суровые ныне морозы стоят...»	14
«Стуж подобных не бывало...»	16
«Родником удивительным стали мои глаза»	17
«Да обрушится купол презренного неба!»	18
«Слово бывает и в самых любимых устах горьким...»	20
«Я вечер встречаю стоном...»	21
«Ты хмуришь лоб...»	22
«Ничто нам не дается даром...»	24
«Об унижении своем, о том, что мир жесток, я плачу...»	25
«Горе лишенному сладостных радостей сада...»	27
«Не спасайся в пустыню безумья...»	28
«Если хочешь, чтоб стало отрадой твоей богатство...»	29

«Милость неба — хотя мне грозит нищета—не нужна...»	31
«Вы пейте, друзья, наслажденья хмельное вино...»	33
«Руина ветхая, труха — таков дворец вселенной...»	34
«Зачем удивляться, что сердце и плачет и стонет...»	35
«О кравчий, милость окажи...»	37
«В море сердца жемчужина есть...»	39
«Не раскрывайся пред глупцом...»	40
«О сердце, свыкайся с печалью...»	42
«Тысяч мучений мечами мне грудь раскрыл недуг...»	44
«Едва с рубинами любимой вступил в соревнованье чай...»	46
«Принарядила хмурый мир, звенит, поет весна...»	48
«Чтоб милой написать, кладу перед собой листок бумаги...»	49
«О красавица, не время ль в степь весеннюю пойти...»	51
«Как удержаться на ногах под тяжестью утрат...»	53
«Без твоего лица от солнца и луны — какая радость?»	54
«Ты с солнца своего лица спустила покрывало...»	55
«Эгим нежным убийцей я был завлечен постепенно...»	56
«Влюбился...»	57
«Вот родинка и кудри-гучки...»	58
«Что может мир поджечь...»	59
«Пируют с тобою...»	60
«Берегов, там, где слез моих море, нет...»	62
«Я ей сказал:— Душа болит...»	64

«Любимой моей угнетать предназначено...» . . .	66
«В день, когда тебя узрели соловей и гор- линка...»	68
МАСНАВИ	69
РУБАИ	72

О Г А Х И

ИЗБРАННОЕ

Перевод с узбекского

Редактор *В. Ежикова*
Художник *Р. Левицкий*
Худож. редактор *Г. Бедарев*
Технич. редактор *Т. Скиба*
Корректор *А. Мурахвер*

* * *

Сдано в набор 1/VII-1960 г. Подписано к печати 31/X-1960. Формат 70×92¹/₃₂. Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,93. Издат. л. 2,53. Индекс: худ. Тираж 10 000.

Государственное издательство художественной литературы УзССР. Ташкент, ул. Навои, 30. Договор № 99—58.

* * *

Ташкентская типография № 1 Главиздата
Министерства культуры УзССР. 1960.
Ташкент, ул. Хамзы, 21. Заказ № 669.
Цена 76 к.
С 1-го января 1961 г. цена 8 к.